

ЮНОСТЬ

10

1964

Иракий АНДРОНИКОВ

Четыре года

НАЧАЛО СЛАВЫ

Когда мы произносим имя «Лермонтов», к глубокому раздумью и бесконечному восхищению, которые всегда вызывает его поэзия, примешиваются чувства сожаления и горечи, словно от недавней потери. Может, об этом и не стоило бы говорить в годовщину его рождения, но эта ранняя утрата с беспримерной остротой заставляет прочувствовать его гениальность. Мы знаем великих людей искусства, погибших в 36—37 лет: Рафаэль, Моцарт, Байрон, Пушкин, Маяковский... Но не было во всей мировой литературе столь же великого поэта, жизнь которого оборвалась так рано: Лермонтов погиб, не достигши двадцатисемилетнего возраста. А между тем имя его стоит в ряду величайших русских поэтов, вслед за именем Пушкина.

Преемника Пушкина увидели в Лермонтове сразу и почитатели и враги пушкинского таланта. Это было в те дни, когда Пушкин погиб на дуэли, убитый рукой презренного проходивца, и тысячи людей всех состояний и возрастов приходили на Мойку, в последнюю квартиру Пушкина, чтобы проститься с великим поэтом. И вот в эти самые дни по Петербургу стало расходиться во множестве списков стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло неизвестное имя — Лермонтов.

Стихи потрясали! Поэт разоблачал тайный заговор вокруг Пушкина! В каждой строчке он сообщал ту страшную правду, о которой молчали пушкинские друзья. Он утверждал, что Пушкина довели до гибели люди из высших слоев петербургского общества, они преследовали Пушкина клеветой и злоречием. Эти стихи читали в кондитерских, в нижних лаках, на переменах между уроками. И тут же переписывали их.

Погиб поэт — невольник чести —
Пал, ослепленный молвой,
С свинцом в груди и в каждой кости,
Понинув гордой головой...
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Гроб Пушкина в сопровождении жандарма уже умчали на дровнях в Псковскую глушь, и волнение

в столице, вызванное его дуэлью и смертью, стало уже утихать, когда вдруг появилось прибавление к стихам Лермонтова; оно состояло всего из шестнадцати строк, но заключало в себе правду еще более смелую: убийцу вдохновляли вельможи, стоящие возле царского трона... Их покрывает сам царь! Лермонтов грозил им кровавой расправой, предвещал, что их ждет суд истории:

Вы, жадною толпой столицы у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Тягаться вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть и божий суд, имперский разврат!
Есть грозный суд: он идет... *

Справедливую кару Лермонтов назвал «божьем судом». Но это иносказание не помешало убийцам Пушкина угадать истинный смысл угрозы. Кто-то из них написал на копии стихов: «Воззвание к революции!» — и отослал в Зимний дворец самому царю. Возникло дело о «неповзволительных стихах»... Оказалось, что автором их был корнет императорской гвардии Михаил Лермонтов. Молодого офицера арестовали.

Стихотворение Лермонтова напомнило императору Николаю прокламации декабристов, в день восшествия его на престол поднявших восстание против его дворца, на Сенатской площади Петербурга. Первые полгода своего царствования он допрашивал замешанных, казнил руководителей, сослал в Сибирь остальных. И вот проходит двенадцать лет, и снова в стихотворении молодого гусара он узнает воплощение тех же идей.

Ненависть к Лермонтову, вспыхнувшая в Николае I в феврале 1837 года, была еще сильнее, чем ненависть его к Пушкину. Через несколько дней последовало распоряжение отправить молодого поэта на Кавказ, в армейский полк, в экспедицию против горцев. Так началась всенародная слава Лермонтова!.. Как солдат в бою, он подхватил знамя русской поэзии, выпадавшее из рук убитого Пушкина, и стал на его место.

* Прежде печаталось «судия»; это ошибка. В списках, снятых с рукописи поэта в 1837 году, никакого «судия» нет. Там — «суд».

«Бородино».

Из серии рисунков П. Бунина и произведений М. Ю. Лермонтова.

МЕЖДУ ССЫЛКАМИ

Ни в одной литературе мира не бывало такого! Гибнет величайший поэт страны, и в тот же час является на смену другой, которому суждено стать превеликим гением в осиротевшей литературе.

Все удивительно в этой внезапной поэтической славе Лермонтова! И дерзкий вызов придворной знати. И голос общественного протеста, прозвучавший в этих стихах. И сочетание огромных событий — гибель Пушкина и рождения молодого поэта — и самое соседство великих имен — Пушкин и Лермонтов — в один из наиболее трагических моментов русской истории. Все это легендарно по историческому значению, но величию подвига, по одновременности совершившегося.

Никто из поэтов не начинал так смело и так вдохновенно, как Лермонтов! Ничья слава не была столь внезапной! Вот сказано слово над гробом поэта, которого он лично даже не знал. И его ожидает уже та же судьба. И такая же гибель — на пединке. Немного бывало в истории таких колоссальных трагедий, вытекающих одна из другой, и таких блистательных эстафет, являющих великие силы народа, способного послать одного гения на смену другому.

Четыре года жил Лермонтов с этого дня. Только четыре года определял направление русской поэзии. За эти четыре года он создал «Песню про царя Ивана Васильевича...», последнюю, самую совершенную редакцию «Демона», «Мцыри», «Сказку для детей», «Беглеца», «Героя нашего времени», выпустил сборник стихов — удивительных, написал новые, которые могли составить еще одну книжку, написал очерк «Кавказец», начал повесть о Лугине, задумал три романа из трех эпох жизни русского общества. Первый роман был приурочен ко времени Екатерины II, второй отсылался к эпохе Отечественной войны. Третий роман Лермонтов решил писать о кавказской войне, хотел показать в нем диктатуру генерала Ермолова, усмирении горских народов, персидскую войну, а закончить его описанием

катастрофы в Тегеране, во время которой погиб великий драматург Грибоедов...

И все это было написано или задумано и обмыслено между разводами и парадами, в кордегардии, после светского раута, в кибитке, уносившей поэта в кавказскую ссылку, но биваке, в перерыве между боями. Это — время его деятельного участия в «Отчужденных записках», горячих литературных и политических спорах, сближения с Белинским. Это чудо — последние годы Лермонтова! До сих пор задумываешься, не в силах постигнуть, что за сила духа, что за богатырская мощь была в этом небольшом офицере, который, смеясь, сам говорил о себе, что природа наделила его общей армейской внешностью. Какой силой мысли был наделен этот человек и какой смелостью высказывать все без пощады и лицемерия!

При этом взмыслительность Лермонтова, строгость его по отношению к себе не имеет, кажется, равных в русской литературе. Ни один поэт не начинал с таких зрелых стихов: «Смерть Поэта» — в копиях рукописных и вскоре «Бородино» — на страницах журнала, который основал Пушкин. А в сборник стихов через три года он включил из всего созданного всего две поэмы и два с половиной десятка стихов. Зато все совместились в этой небольшой книжке: и старинный сказ «Песни про царя Ивана Васильевича...» и простая речь бородинского ветерана; тихая молитва о безматернем счастье любимой женщины, которая принадлежит другому, и горечь разлуки с родиной; холодное отчаяние, продиктовавшее строки «И скучно и грустно»; и нежный разговор с ребенком; беспощадная ирония в обращении к богу и ласка матери, напевающей песню над младенческой колыбелью; трагическая озабоченность «Думы» и страстный разговор Тереза с Каспием; горестная память о погибшем изгнаннике и гневная угроза великосветской черни; сокрушительная страсть Мцыри — призыв к борьбе, к избавлению от рабской неволи — и сладостная песня любимой рыбки; пустыни Востока, скалы Кавка-

за, желтеющие нивы России, призрачный корабль, несущий по волнам океана французского императора, слезы заточенного и жаркий спор о направлении поэзии — все было в этом первом и последнем сборнике, который вышел при жизни поэта.

Он писал с четырнадцатилетнего возраста стихи, поэмы, драмы, прозу. Но ничего не печатал и показывал свои поэтические тетради только близким друзьям.

А между тем среди вещей, созданных в 16—18-летнем возрасте, были такие шедевры, как «Иней», «Парус», «Гусак». Сотни стихов, около тридцати поэм, пять пьес, целый том прозы создал он прежде, чем решился выступить перед публикой. Известие о гибели Пушкина прозвучало для него как призыв...

В ранней юности он жил мечтой о подвиге — то видел себя апереди воставшей толлы, то осужденным в изгнание или на плахе. При всей своей политической значимости эти стихи написаны для себя и для тех, кто был вполне посвящен в его душевные тайны. Они напоминают дневник.

В зрелые годы он уже осуждал опыты первых лет. А вместе с ними и то направление поэзии, которое утверждал с таким вдохновением. Все чаще стал уходить он от романтических гипербола — от изображения неземной красоты, неистовых страстей, иступленной ненависти, смертельных мучений любви. Все проще и глубже становились его стихи, все шире и объемнее — мир, сильнее и точнее — слово. Борется и умирает героический Мицри, рвет Демон на своих могучих крыльях над горами Кавказа. И в те же годы Лермонтов создает «Казачью колыбельную песню», «Соседа», «Завещание» — произведения, в которых он на многие годы опережает поэзию своего времени. Но и другое время пришло и ушло, и наступило новое время, а стихи его не тускнеют, не стареют, не требуют объяснений. Поминка? После боя на реке Валерик Лермонтов размышляет о несправедливой и кровопролитной войне — он, создавший великие строфы о бородинской победе:

Опретный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и эпохойной,
Тянулись горы — и Кавказ
Сверкал glavой остроуголенной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Все чаще вторгалась в поэзию Лермонтова повседневная жизнь 1830—1840-х годов с ее глубокими противоречиями, глубокими идейными интересами передовых людей и мертвящим застоём в общественной жизни. Порождающим этим состоянием душевные конфликты людей своего времени Лермонтов, как никто, умел выразить в стихах, в которых такое могучее впечатление производит его антиязы — столкновение противоположных понятий: «господи» — «рабы», «свобода» — «изгнание», «холод» — «огонь», «люба» — «любовь».

И ненавидим мы и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Скорбная мысль о поколении, которое обречено, как показалось ему, пройти по жизни, не оставив следа в истории, вытесняла юношескую мечту о романтическом подвиге. Теперь он видел подвиг в другом: надо было сказать сверстнику своему правду о «плечеванном состоянии его духа и совести» (слова одного из его современников), назвать общественную болезнь, от которой страдает его поколение, малодушное, безвольное, смиравшееся. И он написал современный роман: показал талантливую, блестящую, умного молодого человека, чувствующего в себе необъятные силы и обреченного на бездельствие, на «пустое кипение воли и силы, приговоренного к жизни в тесных пределах светского общества, без надежд и без будущего, не способного ни к подвигу, ни к труду. Он пытается выйти из этого круга — отправился на Кавказ. Но от себя и от света ему не уйти. Полный разрыв связей Печорина с миром больше всего обнаруживается при встречах с Максимом Максимичем. Как превосходит Печорин скромного штабс-капитана по уму и по образованности, и насколько выше Максим Максимич в отношении нравственном! «Нужны горные лекарства, едкие истины», — писал Лермонтов в предисловии к роману, считая, что он представил портрет, «оставленный из пороков всего... поколения».

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Человек, хорошо знавший поэта, утверждал, что Лермонтов обладал «железным характером», предназначенным «на борьбу и владычество», и в то же время был склонен к сосредоточенной мечтательности. И не мог отделаться от застенчивости, которую только прикрывал холодностью или насмешливой сумрачностью приемов. Он имел немного друзей, но по отношению к ним был полон женской деликатности и юношеской горячности.

С людьми враждебными, чуждыми Лермонтов держался независимо, замкнуто и не пускал их в свой внутренний мир. В светском обществе он был нелюбим, ибо всем своим творчеством посылал вызов официальной России. Он не мог нравиться ей. Он разоблачал ее, раздражал, он писал о том, о чем не говорят и не пишут.

Вдумаясь! Простой человек убивает царя опричника. Пленный чеченец задыхается в монастырской неволе. Демон отвергает самого бога и веру в него. Зато в стихах гудит вечевой колокол, призывающий к мятежу за попрание свободу. Поэт презирает своих современников за раболепие перед царским престолом, пишет, что ему скучно и одиноко. Он без слов понимает умика. Оплакивает кончину декабриста. Едет в изгнание. Называет придворных великим палачами и, наконец, печатает роман, герой которого умирает на обратном пути из Персии, вдыхая воздух империи.

Разговор с тучами, судьба трех пальм — все понимается как отказ от официальной России и призыв к свободе в самом широком смысле — свобода жить, мыслить, творить.

И при этом у Лермонтова — широкая слава. Его наперебой приглашают в аристократические дома. И вовсе не потому, что там нравятся его стихи и поэмы. А потому, что он в моде. Потому, что о нем говорят. Но в глазах придворных сановников он гусарский поручик — а приглашаем на рауты и балы, на которых бывают император и двор. Сделана

попытка унизить поэта. Заказана повесть. Ее пишет великосветский франт и талантливый беллетрист граф Соллогуб. Лермонтов изображен в ней под фамилией Леснин. Это Мишель, армейский офицер, внук старой бабушки, воображающий себя столичным львом. Он рвется в аристократические дома, куда ему доступ закрыт: он не принадлежит к обществу избранных. Это выскочка.

Повесть заказана членами царской фамилии. Лермонтов себя узнает, но виду не подал и сохраняет с Соллогубом прежние отношения внешнего дружелюбия. Дело обошлось без дуэли. «Его не надуешь — себе на уме», — пишет Белинский.

Нашелся другой, который стремится оскорбить в лице Лермонтова русскую честь. Этот вызов Лермонтов примет.

Так и случилось. Лермонтов вышел на поединок. А это формальный повод арестовать, судить и сослать: дуэли запрещены. А противник Лермонтова — француз, дипломат. Его судить невозможно. Ему позволено выехать из России во Францию, пока Лермонтов не отправится в ссылку.

В эти дни выходит «Герой нашего времени».

Николай I и официальная критика встретили роман с нескрываемой злобой. Автор обвинен в покушении на личности и на основы морали, Печорин объявлен безразличным. Царь называет Лермонтова в своем личном письме к жене испорченным и неспособным писателем и с нескрываемой злобой пишет: «Счастливого пути, господин Лермонтов».

И Лермонтов едет в кавказскую армию.

В Петербурге он спорил в кружке молодых людей об исторических судьбах России. За что они любят ее? Один говорил о русском могуществе, другой — о неизбежности основ российской империи, третий — о своей страсти к ее старине. Лермонтов отверг такую любовь. Его упрекнули: «Ты не любишь отчизну».

Перед ним расстилаются просторы России — голодной, нищей, но могучей, прекрасной, той, которую он знает с детства, до тринадцати лет прожив среди пензенских соломенных изб. Весна. Бесконечный горизонт. Половодье. И сложились стихи. Их не надо выкрикивать. Надо тихо сказать, с ударением на первом слове — это ответ тем, кто обвинил поэта, сказав: «Ты не любишь еел».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шепелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степеней ходящее молчанье,
Ее лесов безбрежных колебанье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным прозвая ночи тень,
Встречать по сторонам, водичка о почлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Это стихотворение он привезет с собой в Петербург. И напечатает. Если только можно его напечатать. Сейчас даже не верится! Нельзя напечатать патристическое стихотворение?

Да, такое, говорящее о России крестьянской, напечатать непросто. И Белинский писал потом: «Если будет напечатана его «Родина»...»

Но это будет в 1841 году. А пока идет весна сорокового года. И Лермонтов еще не знает, что дни его сочтены.

«Герой нашего времени».

Вера.

Рисунок П. Бункина.

Печорин.

АЛЬБОМ ОДОЕВСКОГО

Чем чаще задумываешься над фактами биографии Лермонтова, тем больше понимаешь, что он был обречен. Не сын дипломата Баранта, не Мартынов — так еще кто-нибудь убил бы его: ненависть императора к Лермонтову не имела пределов. После того как поэт вторично отправился на Кавказ, известия о его гибели можно было ожидать со дня на день. Но как ни кидался он в сражениях вперед в надежде заслужить возвращение в столицу и право выйти в отставку, оставался жив и даже не ранен. В начале 1841 года он получил разрешение приехать в Петербург для свидания с престарелой бабкой. К этому времени поэтическая слава его достигла зенита. Редакция «Отечественных записок» сочла нужным оповестить читателей, что Лермонтов приехал с Кавказа в столицу.

«Он теперь в Петербурге, — говорилось в этой заметке, — и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в «Отечественных записках». Тревоги военной жизни не позволяли ему спокойно и вполне предаваться искусству... но замыслено им много, и все замысленное превосходно. Русской литературе готовится от него драгоценные подарки».

Два месяца, проведенные Лермонтовым в столице зимою 1841 года, были, как писала потом современница, самые счастливые и блестящие в его жизни.

12 апреля, в восемь часов, его разбудили и приказали немедленно явиться в Главный штаб к генерал-адъютанту графу Клейнмихелю, который сообщил ему предписание: в 48 часов покинуть столицу и отправиться в Тенгинский пехотный полк на Кавказе. На этом настаивал граф Бенкендорф, которому не нравились хлопоты о возвращении Лермонтова из ссылки и мечты его об отставке.

13 апреля Лермонтов захотел проститься с другом своим писателем Владимиром Одоевским (это был двоюродный брат декабриста). Провожая поэта, Одоевский подарил ему чистый альбом формата небольшой книги, в коричневом сафьяновом переплете. Лермонтов, видно, сказал, что ему больше уже не придется писать. Потому что на первой странице альбома Одоевский сделал такую надпись:

«Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю испишаную».

Первые страницы Лермонтов начал заполнять карандашом, очевидно, в пути: карету трясло, строчки получились кривые и неразборчивые. Еще в Петербурге он начал писать стихотворение «Утес». И теперь в новом альбоме продолжил эту работу.

Ночевала тучна золотая
На груди утеса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумавшись глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

О чем стихотворение? Об утесе? О тучке? Да, но под этой аллегорией — под этим инскажем выражены человеческие чувства, отношения человеческие. И в этом у Лермонтова мало соперников во всей мировой поэзии! Он умел одухотворять, оживлять природу: утес, дубовый листок, пальма, сосна, волны наделены у него людскими страстями — им ведомы радости встреч, горечь разлук, и свобода, и одиночество, и глубокая неутолимая грусть.

Потом в альбоме записаны «Спор», «Сон», «Свиданье» — стихотворения, одно лучше другого...

У Лермонтова был с собой томик Гейне — «Книга песен». Он стал переводить стихотворения «Они любил друг друга...». Но всякий раз так случалось, что, когда он брался за Гете, Байрона, Гейне, он, отправляясь от иноязычного текста, создавал совершенно другое произведение: строки стали вдвое длиннее, стихотворение окрасилось присущей Лермонтову благородной патетикой. Осложнились сюжет. В оригинале стихотворение кончается тем, что влюбленные умерли, но едва ли знают об этом; Лермонтов придумал окончание совершенно другое:

Они любил друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью

безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признания и встречи,
И были пусты и холодны их краткие речи.

Они расстались, в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ по себе лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

Лермонтов любил Варвару Александровну Лопухину, с которой знаком был, начиная с юношеской поры. Но потом судьба разлучила их, она ждала его, но не дождалась и вышла замуж за Бахметьева, человека пожилого и нелюбимого. И с тех пор это ускользнувшее счастье не давало Лермонтову покоя. И обреченный на гибель, страдая от этой любви и зная, что и она его любит и страдает, как он, Лермонтов писал о разлуках и расставаниях и о любящих, которые думают друг о друге...

Еще в 1837 году, путешествуя по Военно-Грузинской дороге, Лермонтов видел и даже зарисовал в Дарьяльском ущелье старинную башню, которая висит на почти неприступной скале. Предание гласит, что в незапамятные времена в этой башне жила царица Дарья, наводившая ужас на проезжающих: путников, которые ей нравились, она задерживала, а потом сбрасывала в Терек. Есть и такой вариант легенды, в котором эта царица носит имя Тамары.

Обратившись к этой слышанной им когда-то легенде, Лермонтов вписал в свой альбом новую замечательную балладу:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек по мглам,
Старинная башня стояла,
Чернее на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Препроста, как ангел небесный,
Как демон, иоварна и зла.

Бенкендорф предписал Лермонтову ехать к полку. Но, пользуясь тем, что этот приказ еще не дошел до Кавказа, он сумел получить на месте разрешение пользоваться пятигорскими ваннами. И не торопился туда, где, казалось, его ждет верная гибель. Он не знал, что она ждет его в тихом курортном городке Пятигорске.

Размышляя об участи политического изгнанника, он олицетворил ее в образе гонимого бурей листка. И написал, словно рассказывая какую-то очень грустную сказку: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...» В том же альбоме — «Выхожу один я на дорогу» — одно из величайших произведений мировой лирики. По настроению оно чем-то сродни пушкинскому

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег...

Измученный преследованиями, Пушкин мечтал о покое и воле. О том же мечтал и Лермонтов. И он говорит о покое, который исходит среди природы. Природа для него — это символ свободы. Не о покое смерти мечтал он, нет, покой и свобода нужны были ему для творчества, для вдохновенного поэтического труда.

В Пензенской области, где прошло детство Лермонтова, до сих пор живет легенда о том, что мотив песни «Выхожу один я на дорогу...» сочинил сам Лермонтов и будто бы пел он эту песню в ночь перед дуэлью. Это легенда. На самом деле он сочинил эти стихи на Кавказе, а мотив песни народный. Но что эта легенда возникла, не удивительно: мало в мире поэтов, чье слово было бы так музыкально, притом, что так естественно-разговорно заключенная в стихи интонация. Это идет от музыкальности Лермонтова: недаром он учился играть на скрипке, на фортепьяно, на флейте, пел, сочинял музыку даже...

А вот еще страница в альбоме Одоевского. Размышляя об исторических судьбах России, Лермонтов записал: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем». Сказываются сказки: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна — и встал, и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия».

Это ответ Лермонтова будущим славянофилам, видевшим путь России в возврате к порядкам Догпетровской Руси. Лермонтов верит в будущее, считает, что она уже просыпается, и проводит ее влияние на мир. Эту русскую мощь символизирует для него сказочный Еруслан Лазаревич, который сидел сиднем, вроде былинного Муромца.

Уже мало стихов оставалось написать Лермонтову. Встретив ночью на пятигорском бульваре приятеля, он сказал:

— Чувствую — мне очень мало осталось жить.

Но ему было только 26 лет! И он шутил, острит, сочинял эпиграммы, рисовал карикатуры, наверно, даже не думая, что именно это послужит поводом к столкновению и поведет к трагическому концу. А тем временем интрига плелась. Веселая компания, в которую входили Лермонтов, Столыпин (Монго), Лев Пушкин, Дорохов, Глебов, Васильчиков, Сергей Трубецкой, Мартынов, сестры Верзилины, встречалась на прогулках с другой — враждебной — компанией, которая собиралась у пятигорской генеральши Мерлиной. Но Лермонтов не знал, что за ним пристально наблюдает прибывший из Петербурга жандармский подполковник Кушинников. Кто-то из этих врагов стал подговаривать поручика Лисеневича вызвать Лермонтова на дуэль. Тот отказался:

— На такого человека у меня рука не поднимется.

Тогда избрали Мартынова. Что ему наговорили об отношении Лермонтова к нему и к его сестре, которую Лермонтов видел проездом в Москве, в точности неизвестно. Но цели достигли: Мартынов затаил злобу. Выходя от Верзилиных, он обратился к Лермонтову и, придравшись к тому, что тот рисовал на него карикатуры, вызвал его на дуэль.

День дуэли Лермонтов провел в Железноводске с дальней родственницей своею Катей Быховец. «Он говорил мне,— писала она через несколько дней,— что жизнь ему надоела, судьба его так гнала. Государь его не любил. Великий князь ненавидел, не могли его видеть — и тут еще любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; и думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сход-

ство, и об ней его любимый разговор был... Поехал назад, он поехал тоже с нами».

В колонии Каррас, недалеко от Бештау, обедали. «Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит:

«Сousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни». Я еще над ним смеялась: так мы и отпразднили. Это было в пять часов, а в восемь пришла сказать, что он убит...»

Потом в альбоме прочли стихотворение — последнее признание в любви Лопухиной — через другую:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня краса твоя блещет;
Люблю и тебе я прошлое страдаю
И молодость погибшую мою.

После гибели Лермонтова альбом Одоевского был передан бабушке. Два года спустя, увидев на первой странице пожелание, чтобы Лермонтов возвратил ему этот альбом, весь исписанный, Елизавета Алексеевна Арсеньева поручила родственнику своему Якиму Хостатову передать вещь по назначению.

С печально разбирал Одоевский строки, написанные такою знакомою ему рукой:

С тех пор как печный судья
Мне дал всеведенье пророна,
В очках людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья;
В меня все ближние мои
Бросали пеною изменья.
Посылал безном и главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне твари похоть твоя земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбиво:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами;
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он утром и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Это было последнее стихотворение — «Пророки, рассказ о положении поэта, осмелившегося говорить правду в обществе лицемеров. Дальше шли чистые листы, которые Лермонтов не успел заполнить. Открыл альбом на первой странице, Одоевский приписал: «Сия книга покойного поэта Лермонтова возвращена мне Екимом Екимовичем Хостатовым 30 декабря 1843 года. Князь В. Одоевский». А затем подарил ее в петербургскую публичную библиотеку, где она и хранится среди рукописей величайших людей русской культуры.

Второе столетие проходит через зенит, а Лермонтов становится поэтом все более и более современным. И причина этому — глубочайший общественный пафос его поэзии, ибо он первый из русских писателей с такой силой поставил, по слову Белинского, «вопрос о судьбе и правах человеческой личности» — вопрос, который призваны решить окончательно вы — новые поколения советского общества!

